

Елена Арсеньева

Деверь и невестка (Царица Прасковья Федоровна)

Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)

Елена Арсеньева
Деверь и невестка (Царица
Прасковья Федоровна)
Серия «Царица любит не шутя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161498

Царица любит не шутя: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07728-6

Аннотация

«„Матушка Дева-Богородица! Вот же сила нечистая! Боженька, Господи! Святые угодники! Ах ты, враг рода человеческого!..“ Мысли сумятились в бедной головушке Прасковьи Федоровны, в стенаниях беззвучных путались черное и белое, ибо не знала она, к кому воззвать в такой бедучей беде, коя внезапно на нее обрушилась. Откуда, с чьего наущения? Или сатана подкузьмил, послал от себя подручного для погубления царицы-страдалицы, или Всевышний прогневался на нее и поганый подьячий Деревнин – орудие его?..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Елена Арсеньева

Деверь и невестка

(Царица Прасковья Федоровна)

«Матушка Дева-Богородица! Вот же сила нечистая! Боженька, Господи! Святые угодники! Ах ты, ворог рода человеческого!..» Мысли сумятились в бедной головушке Прасковьи Федоровны, в стенаньях беззвучных путались черное и белое, ибо не знала она, к кому воззвать в такой бедучей беде, коя внезапно на нее обрушилась. Откуда, с чьего наущения? Или сатана подкузьмил, послал от себя подручного для погубления царицы-страдалицы, или Всевышний прогневался на нее и поганый подьячий Деревнин – орудие его?

Все мы в руце Божией, оно конечно, и пути Господни неисповедимы, однако ж не вредно было бы узнать, бес или ангел, кто именно подтолкнул под руку сердешного дружка Василия Алексеевича Юшкова, дабы тот обронил тайную, секретную, цифирную грамотку, а подьячий Деревнин взял да и поднял ее? И не просто поднял, а развернул, и не просто развернул, а вчитался, и не просто вчитался, а пришел в великое изумление, ибо исписана сия грамотка была не сло-

вами, а цифрами, перемежаемыми буквами под титлами¹. И надо ж было так случиться, что изумленный Деревнин сразу узнал почерк, коим писана была грамотка, даром что автор старательно выводил буквы уставом!² Почерк сей принадлежал его госпоже и хозяйке, царице Прасковье Федоровне, Деревнин руку ее хорошо знал, ибо не раз и не два читал-считал писанные тою рукою счета и послания. Но сейчас перед ним был, конечно, не счет. Это явно было письмо, обращенное, судя по всему, к Василию Юшкову, из чьего кармана оно и выпало.

О том, что значит Василий Юшков для царицы Прасковьи Федоровны, знали все. Ближе этого человека у нее никого не было. Ему она могла доверить то, что в жизни не доверила бы даже дочкам: обожаемой Катюшке и гораздо менее любимым Анне да Прасковье. Стало быть, если даже Василию Юшкову царица отправила письмо не простое, а цифирное, значит, в письме том был заключен секрет. Величайший секрет! Он либо являет опасность для жизни самой Прасковьи, либо... либо принадлежит к числу тех, о которых каждый верноподданный государя императора Петра Алексеевича должен немедленно заявлять в Тайную канцелярию, крича при этом: «Слово и дело!» Ибо сказано в государевом ука-

¹ Титл, или титло, – надстрочный знак в старославянском и древнерусском языке, указывающий на сокращение слова, над которым стоит. Например, слово «Господь» писалось под титлом как «Гдь», «человекъ» – «члкъ» и т. п.

² Устав – тип почерка древних славянских рукописей, с четким начертанием каждой буквы.

зе: «Того ради, кто верный христианин и слуга своему государю, отечеству, тот без всякого сумнения может доносить словесно и письменно о нужных и важных делах».

Царица Прасковья Федоровна не сомневалась, что Деревнин о том указе ведал: ведь он подьячий, стряпчий, законник. Да и какой человек упустит возможность пакость ближнему своему подстроить? Верно, верно царицын шут Тихон Архипыч говорит: «Нам, русским, хлебушка не нужно – мы друг друга едим!» Еще слава Богу, слава Всемилоstitовому, что Деревнин все-таки в Тайную канцелярию с доносом не ринулся! Видимо, верх взяло любопытство и... алчность: коли для царицы Прасковьи окажется важным потерянное ее письмо, она не пожалеет денег, чтобы его возвратить!

О Боже, этот поганый Деревнин угадал: царица ничего не пожалела бы ради того, чтобы вернуть свое послание. Ведь разгадай кто-нибудь тайну букв и цифр в нем, прочти кто-нибудь торопливо начертанные строки – и все, Прасковья Федоровна может заказывать заупокойную по себе молитву.

Ее мало утешало сейчас, что секрет цифрованной записи был известен только им с Василием Юшковым, ибо изобретен ими самими. Мало ли что ими, ведь то, что один человек загадал, другой завсегда разгадать может! Ее вообще ничто не утешало сейчас. Честно говоря, казалось, что в такой переплет она не попадала никогда в жизни!

Да, верно, пожалуй, никогда... если не принимать в расчет того дня, вернее, той ночи, когда новобрачный супруг,

царь Иван Алексеевич, храпел рядом со своей молодой женой, Прасковьей Салтыковой, с которой он только сегодня обвенчался, — храпел, а она в это время смотрела остановившимися глазами в темноту и думала, что жизнь ее теперь кончена, спасенья нет, а ждет ее во веки вечные один только позор, заточение где-нибудь в глухом, ужасном, убогом монастыре.

Ибо она... ибо нынче первая брачная ночь боярышни Салтыковой, а она... а она-то, голубица непорочная!

...Прасковья осторожно повернула голову на подушке и поглядела на мужа. Тот спал, приоткрыв рот и сладко всхрапывая. Лицо его было безмятежным, детским, и борода чудилась не бородой, а каким-то цыплячьим пухом, облепившим пухлые щеки. Кажется, супруг так ничего и не понял... ну где ему понять, он ведь прост, словно дитяtko малое! Всего лишь на два года моложе Прасковьи, а чудится, на все пять. А то и на десять!

Прасковьюшка отлично знала, что муженек ей достался не просто умом не блещущий, но даже и вовсе скорбный главою. К тому же еще косноязычный, болезный... Зато царь-государь Иван Алексеевич!³ Не суть важно, что он делит престол со сводным братом, мальчишкой Петром, не суть важно, что вся власть в стране принадлежит старшей сестре, прави-

³ Иван V Алексеевич (1666–1696) — царь и великий князь, старший сводный брат Петра Великого; в 1682 г. вместе с Петром объявлен на царство, но правила их сестра Софья. Как при ней, так и при Петре Иван никогда не касался дел управления по причине нездоровья и слабоумия.

тельнице Софье Алексеевне. Софье на троне долго не засидеться: где это видано, чтобы верховодила державой баба, а вернее – девица незамужняя?! Хотя насчет ейного девичества – еще вилами на воде писано: ходят слухи, будто избыточно часто навещают ее светлицу то князь Василий Васильевич Голицын⁴, то стрелецкий голова Федор Шакловитый, то молодые да пригожие певчие, взятые в хоромы из черкесов да поляков... А впрочем, сейчас Прасковье не до Софьиных тайн, со своими бы разобраться!

Муж ничего не сообразил... Ну, мужа ей вокруг пальца обвести – раз плюнуть. Да кабы только в нем была закавыка! Вся беда в бабах... Бабы, ближние боярыни, поведут их с мужем наутро в мыльню, станут разглядывать сорочку и простыни, придирчиво разыскивая знаки нарушенного девства молодой, и... ничего не отыщут... О, эти бабы мигом подымут тако-ой шум! И никому ведь ничего не объяснишь, не расскажешь, никто ничего и слушать не станет. Позор, Господи, какой позор свалится на ее семью, на батюшку, Федора Федоровича⁵, на матушку, Катерину Федоровну, на мень-

⁴ Голицын Василий Васильевич (1643–1717) – боярин, князь, известный государственный деятель России конца XVII в., военачальник, дипломат, один из образованнейших людей того времени. Известен как фаворит царевны Софьи в период ее регентства при малолетних братьях-царях Петре I и Иване V. Окончил жизнь в ссылке в Архангельском крае.

⁵ Следует отметить, что настоящее имя отца царицы Прасковьи было Александр, однако незадолго до свадьбы дочери с царем Иваном Алексеевичем он не только получил боярский чин, но и был переименован в Федора – в память недавно умершего царя Федора Алексеевича, сына Алексея Михайловича Тишайшего.

шую сестрицу Натальюшку, на весь древний род Салтыковых! То-то посмеются завистники! То-то обхохочутся многочисленные девы, дочери бояр и родовитых московских людей, – девы, коих свезли недавно в царские терема и поставили пред оком царя Ивана Алексеевича, дабы он из числа этих красавиц – светленьких да темненьких, высоких да маленьких, румяных да белоликих, пухленьких да худышек, едва заневестившихся и уже малость засидевшихся в девках – избрал бы себе жену и назвал ее царицею. Долго хаживал Иван Алексеевич меж замерших, трепещущих, едва дышащих от волнения девиц, пока не остановился перед Прасковьей и не взял из ее дрожащей руки голубой платочек. Приложил платочек к щеке, восторженно глядя своими светлыми, слезящимися, неопределенного цвета глазами в ее глаза – перепуганные, большие, черные, что сбрызнутая дождем спелая смородина, а потом робко оглянулся на стоящую за его спиной сестру Софью Алексеевну, правительницу.

Царевна Софья, невысокая, полная, с мрачноватым, не улыбкающим лицом, придирчиво оглядела Прасковью – та стояла вовсе уж ни жива ни мертва, – спросила отрывисто:

– Чья?

– Салтыковых, – шепнул кто-то из подоспевших царедворцев.

Софья поджала губы и тихонько хмыкнула. У Прасковьи подкосились ноги. Может статься, хмыканье царевны к ней не имело отношения. Может статься, Софья, которая зна-

ла родословие всех своих подданных, хмыкала, вспомнив, что прадед девушки, Михаил Глебович Салтыков, в Смутное время стоял за поляков, а по воцарении Романовых переселился в Польшу, и только когда под натиском войск Алексея Михайловича пал Смоленск, Салтыковы вновь стали русскими подданными. Может быть, конечно, и так. Однако Прасковье чудилось, будто Софья весьма насмешливо оценивает возраст невесты. Что и говорить, ей уже двадцать, первая молодость прошла, можно было уже и встревожиться: не засидеться бы в девках, не остаться бы перестарком! С другой стороны, самой-то Софье сколько? Да небось за тридцать! Кто же здесь перестарок, а?

При этой мысли Прасковья малость приободрилась, тем паче что царь Иван продолжал торчать рядом и смотреть на нее восторженно, словно на икону. И когда под венцом стояли (Прасковья была в платье из белой обьяри⁶, красоты неопишуемой, словно бы снегом искристым припорошенной!), и когда покров с невесты сняли, и когда бабьей кикой увенчали ее заплетенные по-новому косы, он все так же таращился на Прасковью, все так же блаженно улыбался. Да и потом, когда его привели в новобрачный покой, он все с той же безмятежной, влюбленной улыбкою потянулся к молодой жене – и... Господи! А теперь-то что будет?!

Прасковья всхлипнула раз, другой, но испугалась, что раз-

⁶ Обьярь – драгоценная иранская ткань сложного переплетения, с золотой и серебряной нитью, напоминающая парчу.

будит царя, и зажала себе рот рукой. Однако рыдания душили ее, она соскочила с высокой постели, постланной, по обычаю, в холодной подклети⁷, и босиком, поджимаясь на стылом полу, побежала к двери.

Замерла, затаила дыхание, прислушалась, потом решилась – выглянула... И едва не умерла от ужаса, увидав перед собой темно мерцающие глаза какого-то высокого мужчины.

Батюшки-матушки, пресвятые угодники, гора Елеонская! Да ведь она совсем забыла, что дружки должны караулить молодых, а потом, по истечении времени, спросить, свершилось ли меж ними «доброе», то есть стала ли невеста женою, и сообщить об этом гостям, чей пьяный, бестолковый гомон доносился из пиршественной залы. И это перед ней один из дружек, который...

– Ты чего босиком бегаешь, невестушка милая? – насмешливо спросил дружка. И тут Прасковья узнала его... Узнала – и едва не грянулась без памяти. Ведь это был не кто иной, как ее новоиспеченный деверь – тринадцатилетний царь Петр Алексеевич, младший брат и соправитель Ивана. Высоченный, румяный, кудрявый – с виду не меньше шестнадцати годков ему, никогда не скажешь, что он по сравнению с Прасковьей – дитя малое! – А я, вишь ты, вас с братцем Ванюшею стерегу от злого глазу. Дружки-то не высидели – выпить побежали, ну а я остался. Ничего, успею еще напиться!

⁷ Подклеть – нижняя часть избы или терема, рубленого дома, людская комната или рабочее помещение.

Прасковья отчего-то первым делом удивилась, что мальчишка говорит о том, что непременно напьется. Не рано ли?! Потом вспомнила, что про Петра она уже ох как много чего слышала. Ему ничто не рано: ни вино пить, ни табак курить, ни девок портить... Посмотрела в его очень темные, очень быстрые, очень веселые и очень круглые глаза, из-за которых он был похож на дерзкого кота, посмотрела – и затряслась от страха. Петр – он ведь крови Нарышкиных, буянов да наглецов, вот и сам наглец: отчих и дедних свычаев и обычаев не чтит, занятие у него одно – марсовы потехи, то есть игрища военные. Затекает потешные стрельбы, с иноземцами он водится побольше, чем со своими, русскими. Потеху огнестрельную учинил для него какой-то немец Зоммер. Он же свел Петра с другими обитателями Иноземной слободы, приучил трубку курить, носить кургузое немецкое платышко, башмаки с пряжками и чулки до колен. Сказывали также, что главный немецкий раздорник, гуляка и пьяница Лефорт Петру наипервейший друг. Да еще сказывали, будто приближает Петр к себе кого ни попадя, не считаясь ни с чинами, ни с родословием. Самый ближний Петра человек, Алексашка Меншиков, происхождения настолько незначительного, что никто даже и не знает толком, кто его отец. Одно известно: сущее ничтожество! Не зря люди именитые Петра недолюбливают и чертушкой называют.

– Да ты чего дрожишь-то? – вдруг достиг ее слуха голос Петра. – Боишься меня? – спросил он с досадой. – Или за-

мерзла?

Прасковья сцепила зубы, чтоб не стучали. Дрожь ее пробирала до самых костей, но холод здесь был ни при чем. Конечно, она Петра боялась! Ведь до нее дошли слухи о том, зачем Софье понадобилось столь срочно женить несмышленного Ивана: чтобы поскорей у него появился наследник. Тогда младший его брат Петр будет вовсе отодвинут от престола. Наверняка Петр тоже знал о замыслах Софьи. И не может не ненавидеть ту, которая должна будет родить Ивану этого самого наследника.

И тут Прасковья вспомнила, что приключилось с ней нынче ночью. Наследника родить? Держи карман шире! Не бывает у монахинь детей, а ее участь теперь...

И вообразив свои темно-русые, необычайно густые, выходящие на висках волосы грубо остриженными и накрытыми монашеским черным платом, а то и клобуком, вообразив свои тугие, румяные, с веселыми ямочками щеки исхудалыми и побледнелыми от бесконечных постов и умерщвлений плоти, коим обязаны предаваться сестры Христовы, Прасковья не выдержала. Всхлипнула раз, другой – и залилась слезами. Она забыла об осторожности и рыдала чуть ли не в голос.

Петр мгновение смотрел на нее, еще пуще расширив от изумления свои и без того большие глаза, а потом приобнял невестку за плечи и прижал к себе, уткнув лицо ее в свой шитый шелком кафтан:

– Тише! Да тише ты, говорю! Услышат, набегут – а ты в одной рубаше. Хочешь, чтобы слух дурной прошел? А ну, пошли обратно! Пошли!

И он не то толкнул, не то внес Прасковью в опочивальню, где безмятежно спал его брат, царь Иван.

– Чего ревешь? – спросил, посадив девушку на постель рядом с мужем. – Ванечка обидел? Ни в жисть не поверю, он и мухи не обидит. Или не сладко спать с ним было? Ну так что ж, небось знала, на что шла. Ничего, главное дело – ты теперь государева жена!

В голосе его отчетливо прозвучало ехидство, и тут Прасковья не выдержала.

– Никакая я не жена! – не то простонала, не то прошептала она. – Он меня и не тронул, а ты говоришь: сладко ли с ним спать? Это ему сладко спать – как лег, так и захрапел, а... а меня...

У нее перехватило дыхание. А Петр заморгал со смешным, мальчишеским, изумленным выражением и спросил недоверчиво:

– Неужто не е...л ни разочку?

Прасковья Салтыкова была девушка скромная, изнеженная, от отца-матери отродясь словца грубого не слышала, а когда дворовые мужики начинали неприкрыто свариться, она ушки пальчиками затыкала. Но от простого, грубого вопроса Петра ей отчего-то стало легче. С другой стороны, не до стеснительности сейчас было!

Она с ожесточением кивнула:

– Говорю ж, не тронул. Чмокнул разик – и уснул. А ведь скоро бабы придут простыни да сорочку глядеть. И в мыльню поведут утром... и... а я как была девкою, так и осталась!

Может, деверь ее и был истинным чертушкой и по возрасту мальчишкою, но уж дураком он точно не был. Прасковья, глядя в его блестящие глаза своими – заплаканными, несчастными, – просто-таки видела, как у него в голове мелькают, кружатся какие-то мысли. Петр мигом все понял, мигом сообразил, в какую беду попала Прасковья: беду бедучую, беду неразрешимую!

– Вот же холера, а? – наконец пробормотал Петр. – Подумают, что ты не девка, что тебя кто-то иной распочал... Да полно, Прасковья, не врешь ли ты? Неужто и в самом деле белая голубица? Или все же согрешила, а теперь морочишь мне голову?

– Больно надо! – с досадой огрызнулась Прасковья. – Мне свою голову спасать надо, а не твою морочить!

Глаза Петра вдруг перестали блестеть и таращиться, а вместо этого напряженно сузились.

– Ну что ж, – сказал он быстро, – сейчас все и распознается, врешь ты или правду говоришь.

И вслед за этими словами он вдруг подхватил Прасковью под мышки, приподнял, так что лицо ее оказалось вровень с его лицом, легко усмехнулся и впился губами в ее губы. А потом, после поцелуя, мгновенного, но столь крепкого, что у

Прасковья дыхание занялось, швырнул ее на постель и упал сверху.

Потом все происходило так быстро и непонятно, что Прасковья запомнила только резкий удар боли в межножье и нетерпеливое содроганье Петрова тела. Высокий, худющий, он оказался неожиданно тяжелым и горячим, таким горячим, что Прасковья вся взопрела за те минуты, пока Петр вжимал ее в постель, и дышал тяжело, и впивался губами в ее шею, и колот усами грудь, и расталкивал коленями ее ноги, и наполнял все ее тело этой жгучей болью... То ли от изумления, то ли от страха, но она не противилась, не рвалась, не орала – Боже спаси! – на помощь не звала. И когда Петр вдруг перевел дыхание, довольно усмехнулся, а потом пружинисто вскочил и начал застегиваться, Прасковья так и лежала – растелешенная да врасстопырку, к тому ж ошеломленная до последней степени.

Да он же мальчишка!

Ого, ничего себе мальчишка. Молодой, да ранний! О-го-го, какой ранний!

Петр поглядел на нее сверху, одобрительно похлопал по голому вспотевшему животу и сказал:

– Ишь ты, не обманула! Девица была... Была, да вся вышла! Ну, теперь тебе тревожиться не об чем. Главное, дурой не будь, брата Ванюшу не печаль – и сама в веселье век проживешь. Я об тебе позабочусь! Все будет по пословице: «Деверь невестке обычный друг»!

И, подмигнув огненным глазом, улыбнулся из-под мальчишеских усиков – ох, как они кололи Прасковье грудь да шею! – да порскнул за дверь. Словно его и не было!

Прасковья села, натягивая рубаху на дрожащие колени. Больно было чресла, а особенно – меж ними. Попыталась было встать и тут увидела...

Отцы-святители! Девы непорочны! Да простыня-то вся в алой россыпи пятен! И по сорочке пятна!

Ох, мамыньки!..

Прасковья покосилась на мужа. Иван спал как убитый, он даже и не заметил того, что только что содеял меньшей братец с его женою. А ведь Петр всего-навсего спас ее честь... а может, и жизнь!

Ой, грех-то какой! С деверем, с мальчишкою...

Грех? Но разве спасение безвинного – грех? Воистину пути Господни неисповедимы, а деверя, не иначе, послал к Прасковье ее ангел-хранитель.

«Ну да, – вдруг мелькнула скромная мысль, – самому-то ангелу с таким делом нипочем не справиться, где ему... вот и пришлось чертушке поручить. Им, бесам, блудное дело привычное!»

Прасковья хихикнула – и тотчас же широко, сладко зевнула. Она не чувствовала теперь ни стыда, ни страха, даже боль отошла – осталась одна только огромная, блаженная усталость.

Свернулась клубочком, подкатилась под мужнин теплый

бок, прижалась крепче, чувствуя умиленную, почти материнскую жалость к Ивану. Правду сказал этот... чертушка, спаситель богоданный: ни слова мужу, ни единого! А теперь – теперь можно спокойно поспать. До утра. До тех пор, пока ее с песнями не разбудят ближние боярыни, чтобы вести в мыльню. И пусть хоть до вечера оглядывают простыни молодых – Прасковье теперь ничто не страшно! Она теперь истинная царица и... баба! Мужняя жена!

Прасковья блаженно вздохнула. Деверь невестке – обычный друг, гласит пословица? Да уж, народ зря не молвит!

И новоиспеченная мужняя жена уснула, улыбаясь от счастья.

Уж потом Прасковья затревожилась – как бы не испортил дела царь Иван. Еще выпучит свои слезящиеся глаза, станет бить себя в груди белые: я-де тут ни при чем, я-де ни сном ни духом... Однако муж Ванечка, видать, накрепко заспал, чего было и чего не было, полагал все случившееся само собой разумеющимся и искренне радовался, что все кругом хвалят его молодую жену. Короче говоря, никто ничего не заподозрил. Правда, у Софьи при встрече с Прасковьей нет-нет да и проскальзывала в очах легкая усмешка, однако молодая царица предпочитала ничего такого не замечать.

Усмехались и лукавые очи чертушки-деверя, когда ему изредка приходилось видаться с невесткою, но Прасковья держалась так степенно, что волей-неволею вынуждала к то-

му же и Петра. А его все вокруг так и так считали шутом гороховым, ну и мало ли чему он там усмехается...

Что Петр проболтается, Прасковья не тревожилась. Первое дело – ему и не поверит никто. Второе – такая болтовня погубит прежде всего его! А третье – у нее скоро появился новый повод для тревоги.

Иван Алексеевич молодую жену крепко полюбил, ласкал ее, не жалел подарочков. Хоть жили царь с царицею в разных покоях, все же муж частенько посылал за Прасковьей спальника, который являлся с поклоном и сообщал:

– Его царское величество велит тебе, матушка-царица, быть к себе спать.

Прасковья шла – сначала с радостным ожиданием, с надеждою, однако вскоре проблески этой надежды случались все реже, являлась она к мужу грустная, восходила к нему на ложе без радости, укладывалась рядом печальная, обреченно принимала нежные (и вправду нежные, братские!), хоть и несколько слюнявые поцелуи супруга, а уже спустя несколько мгновений привычно внимала переливам его храпа. И всё. Вот и вся любовь, коя была меж ними... Увы, каждая ночь с Иваном была совершенным подобием первой брачной ночи – за тем, конечно, исключением, что больше никто не нарушал этого унылого супружеского уединения. Оно бы и ладно, да вот беда: Прасковья не чреватела. Хотя и странно было бы, случись иначе! Ведь очреватеть ей было решительно не с чего. Вернее, не от кого...

Что и говорить, некоторые счастливицы беременеют с первого же раза. Однако, видать, ангел-хранитель Прасковьяин решил, что хорошенького помаленьку. Спасла свою честь – и ладно! И молодая царица, слушая порою долевтавшие до нее шепотки – муж-де ее распочал, да не наполнил, – со скрытой укоризною поглядывала на деверя: что ж ты, «обычный друг», таково оплошал? Чего ж ты меня распочал, да не наполнил? И как мне теперь быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.